

АЛЕКС СКАЙ

БРАКОВАННАЯ
АДЕПТКА
ДРАКОНЬЕГО КУРАТОРА

Алекс Скай

**Бракованная адептка
драконьего куратора**

«Литнет»

2026

Скай А.

Бракованная адептка драконьего куратора / А. Скай — «Литнет»,
2026

Меня называли бракованной в первый же день в Академии драконьих клятв. Серая метка вместо золотой. Позор рода Вейн. Ошибка отбора. Девушка, от которой отказались при полном зале. Только холодный драконий куратор Рейнард Арден заметил то, что остальные предпочли не видеть: моя метка не сломана. Она запечатана. Теперь у меня семь дней, чтобы доказать Академии, что я не ошибка. Семь дней, чтобы не потерять имя, свободу и право учиться среди драконов, которые считают меня недостойной. Но чем сильнее просыпается мой дар, тем опаснее становится правда. Пепельное крыло не исчезло. Его предали. А я — последняя наследница силы, которая видит ложь в клятвах, разрушает чужие планы и тянется к единственному дракону, которому запрещено меня выбрать. Он мой куратор. Я его самая опасная адептка. И если наша истинная связь откроется, против нас встанет вся Академия.

© Скай А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Бракованная метка	5
Куратор, который не верит в жалость	13
Девушка без рода	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Бракованная метка

Меня называли бракованной раньше, чем я успела понять, как меня зовут.

Сначала был свет.

Не мягкий утренний, не электрический, не тот, к которому привыкаешь в обычной жизни, а чужой, густой, золотой, будто расплавленное солнце пролили на каменный пол. Он резал глаза, отражался в высоких витражах, в серебряных чашах на стенах, в гладких чёрных плитах огромного зала и в десятках лиц, повернутых ко мне.

Потом пришёл звук.

Смех.

Не дружный, не весёлый, а злой и облегчённый. Так смеются люди, которым только что подарили право смотреть на кого-то сверху и не стесняться.

Я стояла в центре круга, выложенного тёмным камнем. Надо мной поднимался свод, где в золотых прожилках шевелились силуэты драконов. Они не были нарисованы. Они двигались, медленно раскрывали крылья, склоняли узкие головы и будто тоже смотрели вниз — на меня.

На чужих ладонях у меня дрожали пальцы.

Чужих.

Эта мысль ударила не сразу. Сначала я увидела тонкие запястья, светлую кожу, манжеты серого платья с серебряной вышивкой, незнакомые ногти, тонкое кольцо без камня на среднем пальце. Потом — прядь тёмно-пепельных волос у щеки. Потом — знак на внутренней стороне правой руки.

Метка.

Она должна была сиять золотом.

Я почему-то знала это так ясно, будто кто-то вложил правило прямо в голову. Золотая метка — принятая адептка. Синяя — редкая линия водяных драконов. Красная — огненный род. Белая — высшая клятва. Чёрная — древний знак крови, опасный, но почётный.

А моя метка светилась серым.

Тусклым, неровным, жалким серым светом, похожим на пепел после костра.

Кто-то в верхнем ряду громко сказал:

— Она всё-таки бракованная.

Смех снова прошёл по залу, уже увереннее.

Я подняла голову.

Вокруг, на ступенях амфитеатра, сидели и стояли десятки людей в мантиях, форменных плащах и богатых нарядах. Юноши и девушки моего возраста, преподаватели, старшие адепты, аристократы с родовыми знаками на груди. Все они смотрели на меня. Кто-то с откровенным презрением, кто-то с любопытством, а кто-то с таким удовольствием, будто ждал этого момента не один день.

Я хотела спросить, где я.

Хотела спросить, что происходит.

Хотела сказать, что произошла какая-то ошибка, что я не та, кого они ждут, что ещё минуту назад меня звали Ника и я шла по мокрому тротуару, держа в руке телефон и думая о том, что надо успеть домой до дождя.

Но рот сам открылся, и голос вышел не мой.

Тише. Мягче. Испуганнее.

— Я... я могу повторить испытание?

Смех стал громче.

Значит, эта девушка — Илария, подсказала память, не моя, оборванная, испуганная, чужая. Илария Вейн. Младшая дочь боковой ветви рода Вейн. Та, которую привезли в Акаде-

мию драконьих клятв скорее из обязанности, чем из надежды. Та, над которой шептались с самого утра. Та, которой дома велели: “Не позорь фамилию”.

Поздно.

Кажется, фамилию уже позорили.

И не только я.

На высокой кафедре напротив круга стоял мужчина в бело-золотой мантии. Седые волосы, узкое лицо, тонкие губы, руки на резном жезле. Его взгляд был холодным и сухим, как приговор, который давно написали, но красиво зачитывают только сейчас.

Ректор.

Имя всплыло с задержкой: магистр Эдвин Тарс. Глава Академии драконьих клятв. Человек, чьё слово могло открыть путь к силе, титулу и будущему. Или закрыть его навсегда.

— Повторное испытание не требуется, — произнёс он.

Его голос прокатился по залу так ровно, будто камень сам помогал ему звучать.

Я сжала пальцы, пытаясь удержаться на ногах и одновременно на краю понимания. Моя память и память Иларины накладывались друг на друга, как два плохо совмещённых рисунка. Ника — обычная девушка из другого мира, в котором драконов не бывает, академии не решают судьбу человека по светящемуся знаку на руке, а родня не отказывается от тебя посреди зала. Илария — девочка, которую всю жизнь учили быть удобной, тихой, благодарной за любое место у чужого края стола.

И сейчас обе мы стояли в одном теле.

Одна не понимала мир.

Другая слишком хорошо понимала, что с ней делают.

Ректор поднял жезл, и над кругом вспыхнула прозрачная печать. В ней появились строки, написанные золотыми буквами:

«Илария Вейн. Родовая метка нестабильна. Драконий отклик не подтверждён. Клятвенный контур нарушен».

— Согласно уставу Академии драконьих клятв, — сказал ректор, — адепт, чья метка не подтверждает родовую пригодность, не может быть принят в общий поток. Перед нами редкий, но очевидный случай ошибки отбора.

Ошибка.

Меня называли не человеком, не девушкой, не адепткой.

Ошибка.

В груди поднялось что-то острое и горячее. Не магия. Пока нет. Просто злость, первая настоящая, моя. Она пришла вместе с воспоминанием о другом мире, где я тоже знала, каково это — оказаться не там, где тебя ждут сильной. Но там хотя бы никто не сиял гербами, объявляя твою никчёмность по уставу.

— Ошибка отбора подлежит исключению, — продолжил ректор.

По залу прошёл довольный шум.

Кто-то прошептал:

— Вот и всё.

— Вейн снова опозорились.

— Бедный род. Хотя нет, не бедный. Теперь они скажут, что она не их.

На правой стороне зала поднялся мужчина.

Высокий, сухой, в тёмно-зелёном камзоле, с серебряным знаком рода Вейн на груди. Его лицо показалось мне смутно знакомым. Память Иларины подала имя с неприятным привкусом страха: лорд Кассий Вейн, старший представитель семьи, который сопровождал её в академию.

Не отец.

Хуже.

Человек, которому доверили решить, стоит ли Илария семейных хлопот.

Судя по его взгляду — не стоила.

— Магистр Тарс, — произнёс лорд Вейн, делая лёгкий поклон, — род Вейн сожалеет, что церемония была омрачена подобным случаем. Мы подтверждаем: представленная девушка не является основной наследницей, не имеет права говорить от имени рода и не может требовать от нас ответственности за последствия бракованной метки.

Я смотрела на него и вдруг отчётливо понимала: Илария ждала не любви, нет. Она давно не ждала ничего такого. Но она надеялась хотя бы на защиту имени. На сухое: “Мы разберёмся”. На сдержанное: “Она наша кровь”. На один шаг, один жест, одно слово, которое дало бы ей право не стоять здесь совсем одной.

Вместо этого её сдавали залу.

Красиво. Законно. При свидетелях.

— Род Вейн отказывается от неё? — спросил ректор.

Лорд Вейн сделал паузу. Достаточную, чтобы все успели насладиться ответом.

— Род Вейн отказывается подтверждать за ней право на академическое обучение под нашим знаком.

Хитро.

Не “отказывается от крови”. Это было бы слишком грубо и могло вызвать вопросы. Не “выгоняет”. Нет. Просто снимает защиту. Оставляет меня перед уставом одну.

В верхнем ряду девушка с золотыми волосами и безупречной осанкой прикрыла улыбку веером. Селеста Морвейн. Имя вспыхнуло в чужой памяти как ожог. Красавица старшего драконьего рода, любимица зала, будущая гордость академии и человек, который утром прошёл мимо Иларии со словами: “Серая пыль тоже летит к огню, пока не понимает, что ей там не место”.

Мне очень захотелось сказать ей что-нибудь такое, после чего веер пришлось бы использовать уже не для улыбки.

Но я молчала.

Потому что не знала правил.

А в чужом мире, где тебя за пять минут успели признать браком, первая роскошь — не дерзость, а внимательность.

Я опустила взгляд на метку. Серый свет дрожал. Не гас. Именно дрожал, будто под слоем пепла что-то всё ещё пыталось пробиться наружу.

— Илария Вейн, — сказал ректор.

Я подняла голову.

— Да.

Моё “да” прозвучало тише, чем хотелось. Я услышала это сама, и мне стало противно. Не от страха. Страх был понятен. Противно стало от того, что тело привыкло бояться раньше, чем думать.

— Академия не может принять вас в общий поток, — произнёс ректор. — В течение часа вы покинете территорию. Метка будет передана на рассмотрение Совета клятв. До решения Совета вы лишаетесь права пользоваться академическим именем.

Передана.

Лишаетесь.

Покинете.

Слова падали одно за другим, как закрывающиеся двери.

И тут я сделала первую глупость в этом мире.

— Нет, — сказала я.

Зал замолчал.

Даже я удивилась.

Голос был всё ещё голосом Иларии, но слово — моё. Чёткое, не громкое, но с таким упрямством, которое прежняя хозяйка тела, кажется, никогда себе не позволяла.

Ректор медленно посмотрел на меня.

— Что вы сказали?

Лорд Вейн побледнел от злости.

— Илария, немедленно...

Я даже не повернулась к нему.

Ошибка, возможно. Но приятная.

— Я сказала «нет», магистр Тарс, — повторила я. — Если Академия считает меня ошибкой отбора, значит, сначала должен быть установлен сам факт ошибки. Метка не погасла. Отклик был.

— Серый свет не является драконьим откликом, — сухо сказал ректор.

— Тогда почему круг не выбросил меня за пределы испытания?

Новая тишина отличалась от первой.

В первой меня хоронили.

Во второй начали слушать, потому что я задала вопрос, на который кто-то явно не хотел отвечать.

Я сама не знала, откуда взяла этот довод. Просто память Иларии подкинула кусок утреннего наставления: если метка полностью непригодна, круг отталкивает кандидата. Не принимает кровь, не раскрывает знак, не допускает к клятвенной линии.

Меня не отбросило.

Меня оставило в центре.

Серую, униженную, но оставило.

Ректор слегка нахмурился.

— Это не меняет результата.

— Но меняет порядок, — сказала я и поняла, что зал начал дышать иначе.

Некоторые адепты наклонились вперёд. Кто-то из преподавателей переглянулся. Лорд Вейн смотрел так, будто мысленно уже подбирал способ заставить меня замолчать без скандала.

Я продолжила, пока хватало смелости и чужих обрывков знания:

— Если круг дал отклик, даже нестабильный, кандидат имеет право на проверку куратором соответствующего крыла.

Селеста убрала веер от лица. Улыбки больше не было.

Ректор посмотрел на меня так, будто я внезапно перестала быть пятном на церемонии и стала строчкой устава, которую забыли вычеркнуть.

— Вы ссылаетесь на правило, не понимая его значения.

— Возможно. Но правило от этого не исчезает.

Где-то слева кто-то тихо присвистнул.

Я поняла, что перегнула, но отступать было поздно. Вся моя прежняя жизнь, весь ужас переноса в чужое тело, весь смех зала, вся память Иларии о годах молчания — всё это сложилось в один простой вывод: если сейчас я выйду из круга добровольно, обратно меня уже не пустят.

И тогда чужая жизнь закончится, не успев стать моей.

Ректор опустил жезл.

— В Академии нет куратора, который подтвердит пригодность серой метки.

— Есть, — сказал мужской голос из тени у дальней колонны.

Он не был громким.

Но зал отреагировал так, будто по камню ударили сталью.

Люди обернулись почти одновременно. Даже ректор перестал смотреть на меня. В дальнем проходе, где до этого стояли старшие преподаватели, отделился высокий мужчина в чёрной форме с серебряной застёжкой у горла.

Рейнард Арден.

Имя пришло вместе с чужой дрожью в коленях.

Куратор боевого крыла. Дракон северной линии. Один из самых сильных выпускников Академии за последние двадцать лет. Человек, о котором Илария знала только по слухам: холодный, безупречный, опасный. Он не повышал голос, не терпел слабости и не брал под крыло тех, кого считал пустыми.

Он шёл к кругу медленно.

Не из-за театральности. Просто все расступались раньше, чем ему приходилось просить.

У него были тёмные волосы, резкие черты лица и глаза такого холодного серого цвета, что моя собственная метка рядом с ними показалась почти тёплой. Он не смотрел на зал. Не смотрел на Селесту, хотя она выпрямилась так, будто именно его взгляда ждала весь вечер. Не смотрел на лорда Вейна.

Он смотрел на мою руку.

На серую метку.

И в этом взгляде не было жалости.

Что странно, именно это почему-то помогло мне удержаться.

Жалость сейчас добила бы сильнее смеха.

— Куратор Арден, — произнёс ректор. — Ваше вмешательство необязательно.

— Напротив, магистр Тарс. Кандидат верно сослалась на правило. Нестабильный отклик должен быть проверен куратором крыла, если круг не отверг метку.

— Серый свет не относится к боевому крылу.

— Серый свет вообще ни к чему не относится, если судить по вашим словам. Именно поэтому требуется проверка.

По залу снова пошёл шёпот. Я стояла в центре круга и пыталась не смотреть на Рейнарда слишком явно. Получалось плохо. В нём было что-то такое, от чего хотелось одновременно сделать шаг назад и задать все вопросы сразу.

Он вошёл в круг без разрешения.

Камень под его ногами вспыхнул белыми линиями, но не оттолкнул. На мгновение над его плечом проступила тень крыла — не полная, едва заметная, как отражение в чёрном стекле. Зал притих окончательно.

Рейнард остановился передо мной.

— Руку, — сказал он.

Не попросил.

Я подняла правую руку. Пальцы всё ещё дрожали, и это меня злило. Он заметил. Конечно, заметил. Но ничего не сказал. Только взял моё запястье — не грубо, не мягко, а точно, как вещь, которую надо изучить, прежде чем сделать вывод.

От его пальцев по коже прошёл холод.

Метка вспыхнула.

Серый свет стал ярче, и зал отозвался новым шумом. Не смехом. Уже нет. Скорее растерянностью.

Рейнард смотрел на знак долго.

Слишком долго для простой проверки.

Я видела его лицо снизу и понимала: он нашёл что-то не то. Не то, что ожидали ректор и зал. Не то, что должно было подтверждать мою непригодность.

— Ну? — не выдержал лорд Вейн. — Куратор, подтвердите очевидное.

Рейнард даже не повернул головы.

— Не люблю, когда мне подсказывают очевидное люди, которые не умеют его видеть.
По залу прошёл тихий, опасный смешок. Лорд Вейн покраснел.

Я, несмотря на весь ужас происходящего, едва не улыбнулась.

Рейнард наклонился ближе к моей метке. Его пальцы на моём запястье стали жёстче. Не больно. Просто так, будто он удерживал не руку, а вопрос, который мог сорваться.

— Что вы чувствуете? — спросил он.

— Кроме желания оказаться где-нибудь далеко отсюда?

Слова вылетели раньше, чем я успела их обдумать.

Несколько человек в зале ахнули.

Рейнард впервые посмотрел мне прямо в глаза.

Это было неприятно.

Не потому, что он смотрел зло. Как раз нет. Он смотрел так внимательно, что я почувствовала себя не девушкой в сером платье, а строкой на закрытой странице, которую он собирался прочитать вопреки замку.

— Кроме этого, — сказал он.

Я сглотнула и заставила себя посмотреть на метку.

— Тепло под серым светом. Будто там есть ещё один слой. Он... не светит наружу. Скорее держится внутри.

Рейнард ничего не ответил.

Но его взгляд изменился.

Едва заметно. Для зала, возможно, никак. Для меня — достаточно. Он больше не видел во мне только кандидатку с неправильной меткой.

Он видел загадку.

И это было опаснее, чем жалость.

Ректор спустился с кафедры на одну ступень.

— Куратор Арден?

Рейнард отпустил мою руку.

Метка тут же потускнела, но не погасла. Я спрятала ладонь у груди, хотя понимала, что это детский жест. Просто слишком много людей сегодня решали, что делать с моей рукой, меткой, именем и будущим.

Рейнард повернулся к ректору.

— Метка нестабильна.

Селеста улыбнулась.

Лорд Вейн выдохнул с облегчением.

Ректор кивнул, будто всё и так было ясно.

— Следовательно...

— Следовательно, — перебил Рейнард, — исключение сегодня будет нарушением устава.

Улыбка Селесты исчезла.

Ректор застыл.

Я тоже.

— Поясните, — холодно сказал магистр Тарс.

— В сером контуре есть второй слой. Слабый, закрытый, но он откликнулся на прямую проверку. Круг кандидатку не отверг. Значит, перед нами не пустая метка, а неустановленная форма отклика.

— Вы утверждаете, что девушка пригодна?

— Нет.

Слово ударило резко.

Я успела почувствовать, как надежда, только поднявшая голову, получила по пальцам.

Рейнард продолжил:

— Я утверждаю, что Академия не имеет права признать её непригодной без испытательного срока. Семь дней. Минимум. Под наблюдением боевого крыла.

— Боевого крыла? — Селеста не удержалась, и её голос прозвучал слишком ярко в тишине. — Но куратор Арден, она едва стоит в круге.

Он посмотрел на неё.

Селеста сразу замолчала.

— Именно поэтому, адептка Морвейн, я и сказал “под наблюдением”, а не “во главе крыла”.

Верхние ряды зашептались. Кто-то подавил смешок. Селеста побледнела от унижения, и я поняла две вещи.

Первая: Рейнард Арден умел ставить людей на место одним предложением.

Вторая: Селеста мне этого не простит.

Ректор медленно поднялся обратно на кафедру.

— Семь дней испытательного срока для кандидата с бракованной меткой — риск для академического порядка.

— У академии есть правило, — сказал Рейнард. — Даже ошибку нужно проверить до конца.

Эта фраза повисла над кругом.

Даже ошибку.

Он не назвал меня невиновной. Не защитил как прекрасную страдальцу. Не сказал, что все ошибаются, а я особенная. Он оставил мне самое неприятное слово, но добавил к нему право.

И в этот момент, странным образом, я была ему почти благодарна.

Почти.

Ректор смотрел на Рейнарда долго. Между ними происходил разговор без слов, слишком взрослый, слишком политический для меня, только что выпавшей в этот мир. Но я уже понимала: ректор не хочет оставлять меня. Рейнард не хочет брать меня. Зал хочет зрелища. Род Вейн хочет избавиться от неудобства. А я стою между всеми ними с серой меткой, чужой памятью и семью минутах опыта новой жизни.

Великолепное начало.

Просто мечта.

— Хорошо, — произнёс ректор наконец. — Академия предоставляет Иларии Вейн семь дней испытательного срока. На этот период она не зачисляется в общий поток, не получает права родового места в общежитии и не представляет род Вейн в академических списках.

Лорд Вейн кивнул слишком быстро.

— Род Вейн это подтверждает.

Я посмотрела на него.

— Как удобно, что вы так уверены в правилах, когда они позволяют отойти в сторону.

Он резко повернул голову ко мне.

В зале стало тише.

Вот теперь я точно сказала лишнее.

Но, честно говоря, не пожалела.

Лорд Вейн шагнул к краю ложи.

— Илария, ты забываешься.

Я подняла подбородок.

— Нет. Кажется, впервые начинаю помнить, где стою.

Серый свет метки дрогнул.

Рейнард заметил. Ректор тоже.

Я опустила руку, но было поздно. Что бы ни происходило внутри этой странной метки, она откликалась не только на страх.

Она откликалась на выбор.

Ректор ударил жезлом о камень.

— Решение принято. Кандидат Илария Вейн передаётся под временное наблюдение куратора Рейнарда Ардена. Через семь дней она пройдёт повторное испытание метки и клятвенного контура. В случае провала...

Он сделал паузу.

Слишком красивую паузу.

— ...метка будет изъята академическим решением.

Зал замолчал окончательно.

Я не сразу поняла слово “изъята”.

Память Иларии поняла.

И от этого внутри стало темно.

Метка не была украшением. Не была просто пропуском. Она связывала человека с магией, родом, будущим, правом учиться, правом заключать клятвы, правом быть кем-то большим, чем пустое имя. Изъять метку — не значит снять знак с кожи. Это значит вырвать из судьбы саму возможность стать драконом клятвы.

Не смерть.

Хуже для этого мира.

Жизнь без права поднять голову.

Рейнард стоял рядом и молчал.

Ректор смотрел сверху.

Селеста снова улыбалась.

Лорд Вейн уже отворачивался, будто всё главное для него закончилось.

А я стояла в круге, который больше не смеялся. Теперь он ждал, как я сломаюсь.

Я медленно сжала пальцы в кулак, закрывая серую метку ладонью.

Семь дней.

Семь дней в чужом мире, чужом теле, в академии, где меня уже сочли браком, среди драконов, которые мерили людей золотом меток и силой родов.

Семь дней, чтобы понять правила.

Семь дней, чтобы не дать им забрать единственное, что, возможно, принадлежало теперь только мне.

Рейнард Арден наклонился чуть ближе и сказал так тихо, что слышала только я:

— Если хотите выжить в этой академии, Илария Вейн, перестаньте ждать справедливости от тех, кому выгодно ваше падение.

Я посмотрела на него.

— А от вас?

В его серых глазах не появилось ни тепла, ни улыбки.

— От меня ждите проверки.

Он развернулся и пошёл к выходу из круга.

Я сделала шаг следом, и зал снова заговорил — шёпотом, смешками, ставками, чужими выводами. Кто-то уже был уверен, что через неделю меня выведут из Академии. Кто-то спорил, выдержу ли я хотя бы первое занятие. Кто-то называл Рейнарда безумцем за то, что он связался с бракованной меткой.

Пусть.

Если этот мир решил встретить меня смехом, у него было семь дней, чтобы понять: я умею запоминать голоса.

Особенно те, которые смеялись первыми.

Куратор, который не верит в жалость

За пределами круга смех звучал иначе.

Пока я стояла в центре зала, он падал сверху, как камни: громко, открыто, почти празднично. Но стоило мне выйти вслед за Рейнардом Арденом, как смех стал тише, осторожнее, злее. Теперь его прятали за веерами, за кашлем, за нарочитыми разговорами, за шелестом мантии и стуком каблуков по чёрным плитам.

Это было хуже.

Открытая насмешка хотя бы честна. Скрытая уже примеряет на себя роль правила.

Я шла за куратором боевого крыла и старалась не спотыкаться. Серое платье Иларию оказалось неудобным, слишком длинным, с жёстким воротом и узкими рукавами. В другом мире я не обратила бы внимания на одежду, но здесь каждое движение будто выставляло меня напоказ. Если оступлюсь — скажут, что бракованная даже ходить не умеет. Если подниму голову слишком высоко — решат, что забыла своё место. Если опущу взгляд — окончательно признают жертвой.

Поэтому я выбрала третье.

Смотреть прямо перед собой.

Даже если спина у Рейнарда Ардена была сейчас единственным спокойным местом во всём мире.

Он шёл впереди, не оборачиваясь. Высокий, собранный, в чёрной форме, которая не нуждалась в украшениях, чтобы выглядеть дороже чужого золота. На плечах у него не было плаща, но всё равно казалось, что за ним тянется тень крыла. Люди расступались. Не слишком быстро, чтобы не показаться испуганными. Но достаточно быстро, чтобы я поняла: Рейнарда здесь не просто уважали.

Его опасались.

— Куда он её ведёт?

— В боевое крыло?

— С серой меткой?

— Арден сошёл с ума.

— Нет. Он просто хочет первым доказать, что она пустая.

Я поймала последнюю фразу и сжала пальцы.

Метка на руке тут же ответила слабым серым теплом.

Не золотом. Не силой. Ничем похожим на гордость драконьих родов.

Но она ответила.

Я ещё не знала, что это значит. Но уже решила: если внутри этой метки есть хотя бы искра, я не позволю им погасить её по расписанию.

В широком проходе у выхода нас догнал лорд Кассий Вейн.

— Куратор Арден, — произнёс он с той вежливостью, которой обычно прикрывают желание вцепиться человеку в горло. — Минуту.

Рейнард остановился.

Я тоже.

Лорд Вейн даже не посмотрел на меня сначала. Как будто я была не участницей разговора, а неудобной вещью, которую случайно вынесли из дома при свидетелях.

— Род Вейн признателен Академии за соблюдение устава, — сказал он, — но хотел бы уточнить условия. Девушка не может проживать в родовом крыле Вейнов. Мы не готовы подтверждать за ней место, питание, сопровождение, расходы на форму и учебные принадлежности.

Вот так.

Красиво. По пунктам.

Бросить человека можно и без крика, если у тебя хороший словарный запас.

Рейнард смотрел на него без выражения.

— Она передана под временное наблюдение боевого крыла. Академия обеспечит минимум, положенный кандидату на испытательном сроке.

— Кандидату, не адептке, — уточнил лорд Вейн.

— Я умею читать решения ректора.

Уголок губ лорда Вейна дрогнул.

— Разумеется. Тогда род Вейн просит внести в запись: любые действия Иларии в течение этих семи дней не являются действиями нашего дома.

Я всё-таки повернулась к нему.

— Удобно. Если я провалюсь — вы не при чём. Если выдержу — тоже?

Он наконец посмотрел на меня.

В его взгляде было не раздражение даже, а удивление. Такое бывает у людей, когда вещь внезапно начинает разговаривать.

— Илария, — произнёс он тихо, — ты уже сегодня нанесла семье достаточно вреда.

Чужая память отозвалась привычным холодом. Прежняя Илария сжалась бы, попросила прощения, попыталась бы объяснить, что не хотела, что старалась, что всё вышло само. Я почувствовала этот старый рефлекс почти физически: опустить глаза, стать меньше, переждать.

Но я была не прежней Иларией.

И, возможно, именно поэтому ещё стояла.

— Семья нанесла себе вред сама, лорд Вейн, — сказала я. — Я только не успела исчезнуть достаточно тихо.

Кто-то в проходе ахнул.

Рейнард не обернулся, но я увидела, как его пальцы едва заметно сжались на перчатке.

Лорд Вейн побледнел.

— Ты пожалеешь о своих словах.

— У меня впереди семь дней. Боюсь, список сожалений будет плотным.

Это было дерзко.

И глупо.

И прекрасно.

Лорд Вейн шагнул ближе, но Рейнард встал между нами так спокойно, будто просто сменил положение.

— Разговор окончен, — сказал куратор.

— Это семейное дело.

— Уже нет. На семь дней Илария Вейн находится под наблюдением боевого крыла Академии. Любое давление на кандидата будет внесено в протокол как вмешательство в испытательный срок.

Лорд Вейн посмотрел на него долго.

— Вы очень далеко заходите ради серой метки.

— Нет, — ответил Рейнард. — Я просто не люблю, когда устав вспоминают только сильные.

После этого он пошёл дальше, и мне пришлось ускориться, чтобы не отстать.

Мы вышли из церемониального зала в длинную галерею. Здесь было прохладнее, тише и намного менее празднично. Стены из светлого камня украшали гербы драконьих родов: золотые, алые, синие, белые, чёрные. В каждом гербе угадывались крылья, когти, пламя, короны, мечи, кольца клятв. Я поймала себя на том, что ищу знак рода Вейн, и нашла его почти сразу: зелёный щит, серебряный дракон, держащий в лапах раскрытую книгу.

Красиво.

Жалко, что под красивыми гербами иногда прячут слишком мелкие души.

Рейнард остановился у узкого окна, выходящего во внутренний двор Академии. Внизу виднелись тренировочные площадки, башни, мосты между корпусами и огромные каменные арки, по которым текли тонкие линии магии.

— Вы довольны? — спросил он.

Я не сразу поняла, что вопрос обращён ко мне.

— Чем именно? Тем, что меня назвали ошибкой, выгнали из рода или почти лишили будущего?

— Тем, что наговорили лишнего человеку, который ещё может усложнить вам жизнь.

Я сжала руки.

— Он уже её усложнил.

— Нет. Он только начал.

Рейнард повернулся ко мне.

Вблизи его лицо казалось ещё строже. Не красивым в привычном мягком смысле, а резким, собранным, опасно спокойным. Такие лица не обещают утешения. Они обещают, что будут смотреть, пока ты либо выдержишь, либо сломаешься.

— Первое правило Академии, Илария Вейн: здесь никто не обязан быть справедливым.

— Вы уже сказали это в зале.

— Тогда повторю, раз вы предпочитаете спорить быстрее, чем думать. Академия не прощает слабость. Драконы не признают тех, кто не умеет держать слово. Роды не защищают тех, в ком не видят выгоды. И если вы будете отвечать на каждый удар словами, вас доведут до ошибки раньше первого занятия.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость снова пытается подняться.

— То есть мне надо молчать?

— Нет. Вам надо выбирать, когда говорить.

— А если меня унижают?

— Тогда особенно.

Мне хотелось сказать, что в моём мире, если человека публично топчут, он имеет право защищаться. Но фраза умерла, не дойдя до языка. Во-первых, “в моём мире” звучало бы странно. Во-вторых, я сама понимала: он прав.

Не добр.

Не мягок.

Но прав.

Я слишком мало знала. Здесь любое моё слово могло стать петлёй, потому что я ещё не видела, где у этой петли конец.

— Вы взяли меня под наблюдение, чтобы читать лекции? — спросила я.

— Чтобы понять, почему ваша метка не должна была сработать, но сработала.

— И что будет, когда поймёте?

— Зависит от ответа.

— А если ответ вам не понравится?

Рейнард посмотрел на мою правую руку.

— Мне редко нравятся ответы. Это не мешает ими пользоваться.

Он развернулся и направился дальше по галерее.

— За мной. У вас нет комнаты, формы, расписания и права на общий стол. Начнём с того, что Академия всё же обязана вам предоставить.

— Как щедро.

— Не путайте обязанность с щедростью, Илария. Первое можно потребовать. Второе приходится заслужить у тех, кто считает себя выше вас.

Я пошла за ним, мысленно добавив эту фразу в список правил выживания.

Номер один: здесь никто не обязан быть справедливым.

Номер два: если тебя бросили в чужой мир, держись за того, кто хотя бы говорит неприятную правду.

Номер три: не стоит слишком быстро благодарить человека, который предупредил, что будет тебя проверять.

Нас провели в западное крыло Академии, где камень стен потемнел, а вместо золотых линий в полу светились серебряные. Здесь было меньше праздной публики и больше движения: адепты в тренировочных формах, старшие кураторы, девушки с коротко подколотыми волосами, юноши с кожаными наручами, строгие преподаватели, которые не оглядывались на чужие шёпоты.

Боевой корпус.

Он не был уютным. Но после церемониального зала, где меня красиво разделявали на части одним уставом, эта суровость почти успокаивала.

Рейнард привёл меня в небольшую комнату с узким столом, двумя стульями и высоким шкафом. На стене висел знак: крыло, меч и кольцо клятвы.

— Сядьте.

Я села.

Он открыл шкаф и достал серый свёрток.

— Форма кандидата. Не адептская. Без знака крыла. Носить с сегодняшнего дня.

Я приняла ткань.

— Где переодеться?

— За ширмой.

Он указал на дальний угол.

Я посмотрела на него.

Он смотрел на меня.

— Вы собираетесь стоять здесь?

— Я собираюсь выйти за дверь, — сказал он так сухо, что мне стало почти стыдно. — У вас пять минут.

Когда дверь закрылась, я впервые за всё время осталась одна.

И чуть не села прямо на пол.

Не потому, что резко стало плохо. Просто тело наконец поняло, что больше не обязано держаться перед залом, ректором, лордом Вейном, Селестой, Рейнардом и сотней чужих глаз.

Я оперлась ладонями о край стола и заставила себя считать.

Раз.

Два.

Три.

Меня зовут Ника.

Нет.

Меня теперь зовут Илария Вейн.

Нет.

Меня зовут Ника, и я в теле Иларии Вейн.

Вот так.

Это звучало безумно, но хотя бы честно.

Я быстро переоделась в форму кандидата: тёмно-серые брюки, плотная рубашка, короткая куртка с серебряной застёжкой, мягкие сапоги. Вещи сидели чуть свободно, зато двигаться стало легче. Серое платье я сложила неровно, потом снова развернула и сложила аккуратнее. Не из уважения к роду Вейн. Просто прежняя Илария, кажется, всегда боялась сделать что-то “не так”, и пальцы сами старались быть незаметными.

Я посмотрела в маленькое зеркало над умывальником.

На меня смотрела девушка лет семнадцати или восемнадцати. Тёмно-пепельные волосы, слишком бледное лицо, большие серо-зелёные глаза, тонкая линия губ. Симпатичная, но не яркая. Не такая, как Селеста, рядом с которой любая девушка казалась бы черновиком.

Но в глазах уже было что-то не прежнее.

Не Ника полностью.

Не Илария полностью.

Кто-то третий, собранный из обеих.

Я подняла руку. Серая метка на коже выглядела почти погасшей. Тонкий контур драконьего крыла, разорванное кольцо и линия, уходящая к запястью. Если смотреть внимательно, под первым знаком действительно мерцало что-то ещё — едва различимая нить, как рисунок под слоем пепла.

Я коснулась её пальцем.

Метка ответила слабым теплом.

И на миг перед глазами появилась не картинка даже, а ощущение: зал, золотые голоса, лорд Вейн, ректор, Селеста, Рейнард... и между ними тонкие нити. Одни натянутые, другие обманчиво мягкие. Лорд Вейн был связан с ректором холодной зелёной линией согласия. Селеста — с несколькими адептами золотыми нитями ожидания. Рейнард стоял отдельно, но от него к уставу Академии тянулась серебряная линия, жёсткая и ровная.

Я отёрнула руку.

Видение исчезло.

Что это было?

Память Иларии молчала. В ней были правила этикета, страх перед роднёй, имена сильных семей, обрывки уроков, унижительные фразы, долгие вечера одиночества. Но не было такого.

Значит, либо прежняя Илария никогда не умела это видеть, либо умела и боялась признаться даже себе.

В дверь постучали ровно один раз.

— Время.

Я надела куртку и вышла.

Рейнард оглядел меня с той же сухой внимательностью.

— Лучше.

— Спасибо?

— Это не был комплимент.

— Я уже начала подозревать, что комплименты в боевом крыле выдают только после письменного запроса.

— После результата.

— Ещё строже.

— Ещё честнее.

Я неожиданно поняла, что этот обмен фразами удерживает меня от паники лучше любых мягких слов. Он не жалел. Не утешал. Не обещал, что всё будет хорошо. Рядом с ним нельзя было раскиснуть, потому что он даже смотреть на это, кажется, счёл бы пустой тратой времени.

— Сейчас вы пройдёте первое занятие, — сказал он.

Я остановилась.

— Сейчас?

— Через десять минут.

— Но я только что получила семь дней.

— И уже потратили часть первого.

— А можно хотя бы узнать, что за занятие?

— Драконья дисциплина. Основы клятвенного движения.

Звучало так, будто я должна была понять. Я не поняла.

Рейнард заметил.

— Вы не знаете базу?

Память Иларии виновато подала: знала. Теоретически. Из книг, по которым её заставляли заниматься, чтобы “не позорить дом”. Практики почти не было. Дома Иларии позволяли смотреть, но не участвовать. Серая метка проявлялась слабо ещё до церемонии, и род Вейн заранее решил, что вкладываться в неё бессмысленно.

— Теорию знаю, — сказала я осторожно. — Практики мало.

— Насколько мало?

— Если я скажу “почти нет”, вы очень разозлитесь?

— Нет.

— Правда?

— Я редко злюсь на факты. Только на людей, которые их скрывают.

Я кивнула.

— Тогда почти нет.

Он несколько секунд молчал.

— Прекрасно.

— Это звучит как приговор.

— Это звучит как честная стартовая точка. Запомните её. Через семь дней вам придётся доказать, что вы способны пройти дальше.

— А если нет?

Рейнард пошёл к двери.

— Тогда Академия заберёт у вас не только метку. Она заберёт у вас право когда-либо сказать, что вы не пытались.

Тренировочный зал боевого крыла был огромным.

Не таким торжественным, как церемониальный, но куда более живым. Пол из тёмного камня делился на шесть площадок, каждая была отмечена кругами, линиями и знаками клятв. По стенам стояли стойки с тренировочными жезлами, металлическими кольцами, кожаными манжетами и кристаллами разного цвета. Над потолком двигались прозрачные силуэты драконов, повторяя движения адептов внизу.

Когда мы вошли, занятия уже начались.

И, конечно, все посмотрели на меня.

Сначала на Рейнарда.

Потом на серую форму кандидата.

Потом на мою руку.

Смеха не было. Видимо, в боевом крыле при кураторе Ардене смеяться вслух считалось опасным видом глупости. Но взгляды сделали своё дело не хуже.

На центральной площадке стояла Селеста Морвейн в идеально сидящей золотисто-белой форме. Её волосы были собраны в сложную косу, на запястье сияла тонкая метка яркого золота. Рядом с ней — высокий юноша с широкими плечами и рыжевато-медными волосами. Он улыбался так, будто мир каждый день подтверждал его превосходство и ни разу не ошибся.

— Адепты, — произнёс Рейнард.

Зал мгновенно стих.

— Сегодня к занятию временно присоединяется кандидат Илария Вейн. Её статус вам известен. Ваше мнение о нём меня не интересует.

Вот это было почти приятно.

— Задача занятия прежняя: базовая связка клятвенного движения. Пара. Атака — не силой, а намерением. Защита — не блоком, а удержанием слова. Нарушение круга считается проигрышем.

Я поняла примерно половину.

Вторая половина прозвучала как набор красивых угроз.

Рейнард повернулся ко мне.

— Вейн, вы работаете в паре с Дареном Кроу.

Рыжевато-медный юноша улыбнулся шире.

Селеста повернула голову к подруге, и та едва заметно прикрыла губы ладонью.

Чужая память подсказала: Дарен Кроу. Один из сильнейших первокурсников. Род огненных драконов. С детства готовился к Академии. Прямой, мощный, самоуверенный. Такие не проигрывают серым кандидаткам, потому что мир не любит настолько смешных сказок.

Я посмотрела на Рейнарда.

— Вы шутите?

— Нет.

— Я сказала, практики почти нет.

— Я услышал.

— И поэтому ставите меня против сильнейшего?

— Я ставлю вас против того, кто не будет поддаваться.

Дарен уже вышел в круг и поклонился мне с показной вежливостью.

— Постараюсь быть аккуратным, кандидат Вейн.

Слово “кандидат” он произнёс так, будто это было что-то, прилипшее к сапогу.

Я вошла в круг.

Камень под ногами отозвался слабым серым светом и тут же почти погас. У Дарена под подошвами вспыхнули красно-золотые линии, яркие и уверенные. Разница была такой очевидной, что даже объяснять не требовалось.

— Первая связка, — сказал Рейнард. — Клятва шага. Атакующий задаёт намерение. Защищающийся удерживает своё место, не нарушая круга. Вейн защищается.

Конечно.

Меня даже не спросили.

Дарен развёл плечи.

— Готова?

Нет.

— Да.

Он двинулся.

Не быстро. Даже красиво. Один шаг вперёд, поворот кисти, и красно-золотая линия сорвалась с его метки к моим ногам. Она не выглядела опасной, но круг подо мной резко потянул меня назад, будто сам камень решил, что мне здесь не место.

Я попыталась удержаться.

Не получилось.

Меня вынесло за линию круга почти сразу.

По залу прошёл шёпот. Кто-то тихо фыркнул.

— Проигрыш, — сказал Рейнард.

Я стиснула зубы и вернулась в круг.

— Ещё раз.

Дарен приподнял брови.

— Уверена?

— Нет. Но это, кажется, никого здесь не интересует.

Он усмехнулся.

Вторая попытка закончилась почти так же. На этот раз я успела сделать шаг в сторону, но красная линия словно прочитала моё движение раньше меня. Камень снова вытолкнул, только не назад, а вправо. Я удержалась на ногах, но круг всё равно проиграла.

Селеста негромко сказала:

— Некоторые ошибки лучше видны в движении.

Я повернулась к ней.

— Удобно, когда тебе не приходится двигаться, чтобы быть ошибкой в чужих глазах.

В зале стало тише.

Селеста улыбнулась, но в глазах появился лёд.

Рейнард произнёс:

— Вейн.

Я посмотрела на него.

— Да?

— Меньше разговоров. Больше наблюдения.

Вот именно.

Наблюдения.

На третью попытку я уже не смотрела на силу Дарена. Это было бесполезно. Он был сильнее, быстрее, увереннее и знал эту связку так, будто ходил с ней с детства. Я смотрела на другое: на его плечо перед движением, на положение пальцев, на то, как красная линия от метки сначала цепляется за большой палец, потом уходит к запястью и только после этого ложится в круг.

И ещё.

На его слова.

Каждый раз перед атакой он произносил одну и ту же фразу почти беззвучно. Не для меня. Для себя.

“Шаг мой. Круг мой. Слово моё”.

Клятвенное движение.

Значит, сила шла не просто из метки. Она опиралась на утверждение. На порядок слов. На внутреннюю уверенность, что круг должен признать его первым.

На четвёртой попытке я не стала отступать.

Дарен сделал шаг.

Красная линия пошла к моим ногам.

Я не знала, как блокировать. Не знала, как “удерживать слово”. Не знала, что вообще должна говорить по правилам.

Но я увидела мгновение, когда его линия уже объявила шаг своим, а круг ещё не успел признать это до конца.

И сказала:

— Слово слышу. Место не отдаю.

Фраза вышла корявой. Неакадемичной. Скорее упрямой, чем правильной.

Но серая метка вспыхнула.

Камень под ногами дрогнул.

Красная линия Дарена ударила в серый свет, и меня всё равно оттолкнуло. Я вылетела за край круга, но на этот раз не одна.

Дарен тоже оступился.

Всего на полшага.

Его нога пересекла внутреннюю линию, и красно-золотой свет под ним мигнул.

Зал замолчал.

Не победа.

Даже близко нет.

Я стояла за кругом, тяжело опираясь ладонью о каменную колонну, и понимала, что проиграла в четвёртый раз. Но Дарен Кроу, сильнейший первокурсник, впервые за всё занятие потерял равновесие из-за бракованной метки.

Он смотрел на свою ногу так, будто она предала род.

Рейнард не сразу произнёс результат.

Потом сказал:

— Обоюдное нарушение линии. Попытка Вейн засчитана как частичное удержание.

Селеста резко повернула голову к нему.

— Но она вышла первой.

Рейнард посмотрел на неё.

— Вы ведёте протокол занятия, адептка Морвейн?

— Нет, куратор.

— Тогда не мешайте тому, кто ведёт.

Селеста замолчала.

Я вернулась в круг.

Дарен больше не улыбался.

— Как ты это сделала?

— Сама хотела бы знать.

Это была правда, но он принял её за издёвку.

Следующие попытки были хуже.

Не для него.

Для меня.

Он перестал быть аккуратным. Не нарушал правил, но давил сильнее, резче, быстрее. Меня выталкивало из круга снова и снова. Плечи горели от напряжения, ноги начали слушаться хуже, в голове смешались правила, чужая память и собственное упрямство. Но я уже не просто падала из линии. Я смотрела.

Дарен всегда начинал с правого плеча.

Перед сильным шагом задерживал пальцы на метке.

Когда собирался обмануть — слишком ровно держал подбородок.

Когда злился — менял порядок слов в клятве, и линия становилась ярче, но грубее.

Я не могла победить его силой.

Но могла заставить его поверить, что он уже победил.

На последней связке Рейнард поднимал руку.

— Финальная попытка. После неё Вейн покинет занятие.

Дарен усмехнулся.

— Уже устала?

Я посмотрела на него и, кажется, впервые за весь день улыбнулась.

— Нет. Просто начинаю скучать по твоему правому плечу.

Он не понял.

Зато понял Рейнард.

Я увидела это по его взгляду. Холодному, внимательному, чуть более острому.

Дарен шагнул.

На этот раз он решил обмануть. Начал с правого плеча, как всегда, дал мне увидеть привычное движение, но линию попытался бросить слева. Хороший ход. Для того, кто думает, что я смотрю на тело.

А я смотрела на клятву.

Он сменил плечо, но слова оставил прежними.

“Шаг мой. Круг мой. Слово моё”.

Только теперь шаг и слово не совпали.

Я не стала держаться за место.

Я сделала шаг вперёд.

Прямо в его линию.

По залу прокатился испуганный шум.

Серая метка вспыхнула, и я сказала:

— Слово не там, где шаг.

Красная линия дрогнула.

Дарен попытался усилить давление, но его собственная клятва уже спорила с движением.

На долю секунды круг перестал понимать, чему верить: его силе или его словам.

Мне хватило этой доли.

Я не отбросила его. Не победила. Не заставила упасть.

Просто оказалась внутри круга, когда его линия сорвалась мимо и ударила в пустой камень.

Дарен резко остановился.

Его правая нога осталась за границей атаки.

Моя — внутри.

Тишина была такой полной, что я услышала, как где-то в дальнем углу капнула вода из декоративной чаши.

Рейнард произнёс:

— Попытка Вейн засчитана.

Дарен медленно повернулся ко мне.

— Это нечестно.

Я устала настолько, что ответ вышел спокойным:

— Я здесь с серой меткой, без рода, без формы адепки и против тебя. Расскажи мне ещё что-нибудь о честности.

Впервые зал не засмеялся.

Он смотрел.

И это было важнее.

Селеста стояла неподвижно. Её лицо оставалось красивым, но теперь красота стала похожа на маску, под которой что-то треснуло. Ей не понравилось, что меня заметили. Не как жалость. Не как грязь под ногами.

Как возможность.

Рейнард хлопнул ладонью по краю каменного круга.

— Занятие окончено. Кроу, отработаете несовпадение шага и слова. Морвейн, подготовите разбор связки без комментариев о статусе кандидата. Остальные — свободны.

Адепты начали расходиться, но взгляды всё ещё цеплялись за меня.

Я вышла из круга медленно. Не потому, что хотела выглядеть гордо. Просто если бы пошла быстрее, ноги могли бы решить, что с них достаточно.

Рейнард подошёл последним.

— За мной.

— Опять?

— Сейчас особенно.

Он вывел меня в боковую галерею. Дверь закрылась, отрезая шум зала.

Я прислонилась к стене и позволила себе одну короткую слабость — закрыть глаза на пару секунд. Когда открыла, Рейнард стоял напротив.

— Вы видели не движение, — сказал он.

Я сразу насторожилась.

— Я видела его ошибку.

— Какую?

— Он говорил одно, а делал другое.

— Это общий вывод. Мне нужен точный.

Я молчала.

Инстинкт подсказывал: осторожно.

Не потому, что Рейнард враг. Я пока не знала, кто он. Но он уже предупредил меня: справедливость здесь не выдают просто так. Значит, и правду нельзя отдавать без меры.

— Его клятва шла через правый шаг, — сказала я наконец. — Когда он изменил движение, слова остались прежними. Круг на мгновение не принял совпадение.

Рейнард смотрел на меня так, будто я только что произнесла не догадку, а запретное имя.

— Кто вас этому учил?

— Никто.

— Не лгите.

— Я не лгу.

Он сделал шаг ближе.

Не угрожающий. Но пространство сразу стало меньше.

— Илария, люди годами учатся слышать расхождение между словом и клятвенным движением. Вы сделали это на первом занятии, после четырёх провалов, с нестабильной меткой.

— Может, мне просто повезло.

— Везение не формулирует: “Слово не там, где шаг”.

Я отвела взгляд первой. Не из страха. Скорее потому, что его внимательность снова делала меня страницей под ножом.

— Я видела... связь, — сказала я осторожно. — Не совсем видела. Скорее понимала. Слова, движение, круг. Они должны были совпасть, но не совпали.

Рейнард молчал.

Слишком долго.

Потом произнёс:

— Никому об этом не говорите.

— Почему?

— Потому что если ректор узнает, что вы читаете не магию, а связи между клятвами, семь дней могут закончиться гораздо раньше.

Серая метка на моей руке стала холоднее.

— Это запрещено?

— Это опасно.

— Для меня?

Рейнард посмотрел в сторону закрытой двери, за которой ещё слышались голоса адептов.

— Для всех, кто привык, что клятвы слушают только сильных.

Я сглотнула.

Перед глазами снова всплыл зал церемонии: ректор, лорд Вейн, Селеста, золотые линии, серый свет, смех. И между ними — невидимые нити, которые я успела увидеть лишь на миг.

Если моя метка действительно умела читать связи между клятвами, то она была не пустой.

Не бракованной.

Просто такой, которую кто-то очень не хотел признавать.

— Куратор Арден, — сказала я тише. — Что со мной?

Он посмотрел на мою метку.

В его лице не было мягкости. Но и равнодушия больше не было.

— Пока не знаю.

— А когда узнаете?

— Тогда решу, как сохранить вам жизнь в этой Академии.

Фраза прозвучала спокойно.

Но именно от спокойствия стало страшнее.

Я хотела спросить, почему он вообще собирается сохранять мне жизнь. По долгу? Из интереса? Потому что устав? Или потому что в сером свете моей метки он увидел что-то, чего не ожидал?

Но не успела.

В конце галереи появилась Селеста Морвейн.

Она шла не спеша, будто случайно выбрала этот путь, хотя по её взгляду было ясно: случайность здесь закончилась ещё до её первого шага. За ней держались две девушки в формах старших родов.

Селеста остановилась на почтительном расстоянии от Рейнарда.

— Куратор Арден, ректор просит вас к себе. Немедленно.

Потом её взгляд скользнул ко мне.

Вежливый.

Ядовито-сладкий.

— А кандидатку Вейн велено проводить в старое западное общежитие. Для временных и неподтверждённых.

Слово “неподтверждённых” она произнесла почти ласково.

Рейнард посмотрел на неё.

— Кто передал распоряжение?

— Секретарь ректора.

— Вы стали секретарём ректора, адептка Морвейн?

Селеста на миг сжала губы, но тут же улыбнулась.

— Нет, куратор. Просто помогла передать сообщение.

— Ваша помощь учтена. Возвращайтесь к заданию.

Она поклонилась.

— Конечно.

Перед уходом Селеста посмотрела на меня ещё раз. И в этом взгляде было обещание.

Не детская обида.

Не зависть.

Намерение.

Рейнард дождался, пока она уйдёт, и повернулся ко мне.

— До вечера не оставайтесь одна.

— А если меня поселят одну?

— Тогда найдите, кто должен быть рядом.

— У меня здесь нет друзей.

— Значит, начните с тех, кто тоже никому не нужен. Они обычно внимательнее слушают.

Он развернулся, но я остановила его вопросом:

— Почему вы мне помогаете?

Рейнард не сразу ответил.

Потом сказал:

— Я ещё не решил, помогаю ли.

— Очень утешительно.

— Я не верю в жалость, Илария. Она делает людей мягкими там, где им нужна прочная спина.

— А во что вы верите?

Он посмотрел на серую метку на моей руке.

— В клятвы, которые выдерживают проверку.

И ушёл.

Я осталась в галерее одна, в серой форме кандидата, с гудящими ногами, с меткой, которая умела видеть больше, чем должна была, и с пониманием, что первое занятие я не выиграла.

Но зал перестал смеяться.
Иногда для начала этого достаточно.

Девушка без рода

Старое западное общежитие встретило меня дверью, которая явно пережила больше унижений, чем большинство адептов Академии.

Она была тяжёлой, тёмной, с облупившимся серебряным знаком над косяком. Когда-то знак, наверное, изображал крыло, кольцо и пламя, но теперь крыло стерлось почти полностью, кольцо треснуло, а пламя больше походило на кривую вилку. Надпись под ним читалась с трудом:

«Корпус временного размещения».

Очень вежливый способ сказать: сюда селят тех, кого больше никто не хочет видеть рядом.

Я остановилась перед дверью и посмотрела на сопровождавшую меня девушку из канцелярии. Та была на пару лет старше, в тёмной академической

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.